

Александр Эртель

Мужичок Сигней и мой сосед Чухвостиков

Александр Эртель

**Мужичок Сигней и
мой сосед Чухвостиков**

«Public Domain»

1883

Эртель А. И.

Мужичок Сигней и мой сосед Чухвостиков / А. И. Эртель —
«Public Domain», 1883

«Мужик допахал полосу; перевернул кверху сошниками соху, посмотрел из-под руки на закат, обратясь к востоку медленно и размашисто перекрестился, ласково огладил тяжело дышавшую кобылу, и, с усилием взвалившись на нее верхом, поехал по меже к поселку...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Александр Иванович Эртель

Мужичок Сигней и мой сосед Чухвостиков

Славные вечера бывают весною в нашей степной стороне!

Солнце уж низко. Пустынные поля словно облиты его мягкими, ласкающими лучами. Осиновые кусты и поросшие густым тальником окладыны, разбросанные там и сям среди полей, подернуты золотисто-багровым светом. В сторону, противоположную закату, от них тянутся густые влажные тени. На далеком расстоянии друг от друга виднеются деревеньки, хутора, барские усадьбы. Кое-где сверкают кресты церквей и алеют каменные колокольни.

Нежно-голубое небо покрыто там и сям легкими как пух и словно пар прозрачными облаками, подернутыми то багряным, то светло-розовым, то золотисто-палевым румянцем. Какая-то светящаяся, беловатая полоса узкой чертою обнимает западный горизонт. На востоке этой полосы нет, там небо окрашено густой синевою, а над самым горизонтом протянулась хмурая, неприветливая кайма. Едва ощущаемое веяние прохладного, но еще мягкого и нежного ветерка слабо тревожит воздух, напоенный запахом свежеразрытой земли, горьковатого осинника и молодой полыни. Иногда к этому исключительно полевому запаху тоненькая струйка воздуха приносит из ближайшей деревни запах парного молока, иногда потянет оттуда дымком, дегтем или свежим навозом, и с примесью этой-то едва уловимой струйки жилого запаха как бы живительней и благотворней становится запах полей.

Тихо. Где-то во ржи, пока еще редко и лениво, отбивает свое «ва-вва» перепел. В сырой луговине, около окладыны, скрипит дергач, посвистывают конюшки. Над маленькой кочковатой ложбинкой, заросшей в мокрых местах густыми купами молодого темно-зеленого камыша, вьется чибеска, пронзительно разрезая воздух своими острыми крыльями и печально оглашая поле рыдающим криком. Из-за дальних кустов чуть слышно доносится тоненькое, переливистое ржание сосунка-жеребенка.

Вдалеке маячится сторбленная фигура пахаря, щедро облитая лучами заходящего солнца. Густые тени бегут от этой фигуры и тянутся длинною полосой по коричневой пашне. Вдоль полей широкой прямой лентой пролегла большая дорога, пестрея своими полосатыми верстовыми столбами. По дороге едет ямщик-обратный. Усталая тройка еле плетется, ямщик лениво мурлычет песенку, колокольчик медленно, словно нехотя, позванивает под высокой дугою; тени прихотливо двигаются за тройкой. По окраине дороги мелкими и частыми шажками бредет богомолка. «Садись, подвезу!» – кричит ямщик; богомолка молчит и прибавляет шаг. «Эх, ты...» – ямщик крупно ругается и вдруг дико вскрикивает: «Нну, голуби!..» Лошади поднимаются вскачь. Телега гремит, колокольчик уныло захлебывается, из-под колес поднимаются клубы пыли. Клубы эти от красноватых солнечных лучей кажутся темно-багровыми. Исполинские тени бегут вслед за тройкой.

«Возле!.. возле, окаян-н-ая...» – кричит пахарь и понукает лошаденку, спеша допахать полосу. «Возле... возле-е»... откликается ближний лесок.

Солнце почти закатилось. Лучи его проникаются пурпуром и все делаются короче и короче. Тени почти сплошь заполняют поля. Те светлые, покатые к западу, круговины, до которых еще достигают низкие горизонтальные лучи солнца, можно перечесать, – так их немного. В глубине востока, трепетно и неуверенно мигая, вспыхнула бледненькая звездочка. Небо синеет. Облака, тихо плавающие по середине неба, уж не отливают золотистым румянцем. Какая-то чахлая желтизна окаймляет их со стороны запада, да и та с каждой минутой потухает, уступая обычному бледно-серому цвету. Только над самым закатом рдеет еще, словно раскаленный уголь, маленькое продолговатое облачко... Воздух становится холодноватым и влажным. Запах свежести усиливается. От ближнего поселка доносится мычание и блеяние

возвращающегося домой стада, скрип отворяемых и запираемых ворот, звонкая ругань баб, громкое щелканье кнута и ноющие звуки жилеек^[1].

В поле тоже не дремлют... Только чибеска умолкла. Зато перепела оглашают воздух неустанным треньканьем, дергач скрипит как оглашенный, конюшки переливаются запауски, в маленьком степном прудке робко и мелодично квакают лягушки...

Мужик допахал полосу; перевернул кверху сошниками соху, посмотрел из-под руки на закат, обратясь к востоку медленно и размашисто перекрестился, ласково огладил тяжело дышавшую кобылу, и, с усилием взвалившись на нее верхом, поехал по меже к поселку.

Останемся одни среди поля.

Загораются звезды. Золотится заря. Неподвижен чудно прозрачный воздух. Ровною, необозримой пеленою уходят во все стороны поля, изредка перемежаемые кустами... Вдалеке поселки, хутора, усадьбы, с поразительной ясностью выступающие на голубоватом фоне мягких весенних сумерек...

Тишина... прохлада... простор.

От молодых всходов овса, от начинающих выколашиваться озимей, от рыхлой пашни, только что засеянной просом или вдвоенной под гречиху, от межников, поросших всякими травами и диким персиком, от зеленеющего пара, еще не вытравленного скотиной, от осиновых кустов, густо одетых вечно трепещущей листвою, от далеких сел и деревень – от всего этого безмятежного приволья веет какой-то мужественной и здоровой свежестью, все это возбуждает в вас какое-то умирительное чувство, – чувство мира и глубокого покоя...

На далекой колокольне бьют часы. Тягучие бархатные звуки сельского колокола торжественно и мерно, с какою-то медлительной плавностью, уносятся в глубокое поднебесье. Где-то чуть слышно дрожит тягучий отзвук... Дикие утки, словно ошалелые, пронесли над самой землей, с каким-то тревожным визгом разрезая воздух. Заря чуть теплится...

Ночь.

В один из таких-то благодатных весенних вечеров ко мне на хутор прикатил, в своей отчаянно дребезжащей таратайке, сосед мой и хороший знакомый Андрей Захарыч Чухвостиков. Я только что вернулся с поля, где у меня в тот день сеяли гречиху.

Но надо, я думаю, рассказать, что такое был за человек Андрей Захарыч.

Человек он был хороший. Происходил из бывших крепостных какого-то графа, у которого много лет служил управляющим. Когда громадное графское состояние с надлежащим шиком было истощено владельцем и в конце-концов разлетелось вдребезги от соприкосновения с новыми порядками, Андрей Захарыч купил на сбереженные гроши неподалеку от меня сорок десятин земли, выстроил на этой земле уютный хуторок и зажил себе припеваючи. Был он холост, высок, страшно худ и костляв. Сохранял вечную угрюмость, хотя далеко не был флегматиком, курил асмоловский табак третьего сорта, говорил скороговоркой и без малейшей вдумчивости, во время разговора немилосердно хмурил свои густые брови и сурово вращал глазами, почти к каждому слову прибавлял «слово-ерс» и страстно, до изнеможения, любил сплетни. Впрочем, надо отдать ему справедливость, относился он к сплетням не как к пустому препровождению времени, а как бы к некоему государственной важности делу. Ничем нельзя его было так обидеть, как легкомысленным, смешливым отношением к сплетне. Он тогда до невероятности насупливал брови, ожесточенно чесал всегда плохо выбритый подбородок и в конце концов, глубоко нахлобучив свой бархатный, старомодный картуз, с немым достоинством удалялся от дерзновенного. Но зато не было для него и большего удовольствия, как если кто вдавался с ним в серьезное, основательное рассуждение по поводу той или другой сплетни. Он становился тогда важным и внушительным; строго и неукоснительно определяя одно за другим все свойства разбираемой сплетни, нередко ударялся даже в философию, и оставлял в

^[1] Жилейка – русский народный инструмент.

покое эту злосчастную сплетню не иначе, как по извлечении из нее целого вороха более или менее мудрых (хотя всегда чрезвычайно лаконичных) умозаключений. Сплетни заменяли ему газеты, которые он терпеть не мог. Все, что делалось в околотке, всегда первому и всегда во всех подробностях было известно Чухвостикову. По многим селам и деревням у него бывали специальные агенты, в большинстве случаев старики и старухи, которые, по мере накопления материала, приезжали и приходили к нему на хутор, где за вечно шипевшим самоваром и выкладывали всю подноготную.

Кроме этой слабости Андрея Захарыча (если только это слабость), он имел и еще две. Был привержен к охоте с дудочкой на перепелов и питал непреодолимую страсть к рыболовству. В известные времена года одна из этих трех слабостей (уж будем их так называть) непременно имела перевес в Чухвостикове, хотя и не заглушая двух остальных... Так, например, с осени и до весны особенно сокрушительно свирепствовала жажда сплетен, летом же перемежались и перепела и рыба. Впрочем, кроме июля, перевес был всегда на стороне рыбы. К несчастью, на земельке Андрея Захарыча вместо пруда находилось какое-то гнусное болото, и вот почему, начиная с весны и кончая осенью, он частенько-таки навещал мой хутор. У меня был хотя и маленький прудок, но зато чрезвычайно изобилующий карасями.

– Ну, батенька, – встретил я Андрея Захарыча, когда он входил в комнату, – ведь ловить-то сегодня некому! Один Михайло дома, да и тому сейчас приказал ехать в Березовку, повестить о пахоте.

– А Семен?

– Семен в городе.

– Ах ты господи, какая досада-с, – опечалился Андрей Захарыч, рассеянно здороваясь со мною, – а я, как нарочно, сегодня и Федьку своего не взял-с... Ах, какое горе-с!..

– Ну, вот...

– А-ах, ах! – Чухвостиков насупил свои густейшие брови и недовольно сморщил лоб. – А вы изволили слышать: у Вертаева-то конторщик сто тридцать два целковых потерял, да-с! – Тут на мгновение было оживился он, но, уже не дожидаясь от меня ответа, опять поник головою. – Ведь вот тебе горе-то-с, вот! – Он частыми шажками заходил по комнате, с нервной раздражительностью пощипывая щетинистый подбородок и беспрестанно поддергивая, почему-то вечно сползавшие, панталоны.

– А священник-то Крутойярский, отец Вассиан, жеребца в Полетаеве купил-с, сто два целковых...

– Какой масти? – спросил я, вознамерившись разговором на любимую тему Андрея Захарыча отвлечь его от грустных мыслей.

– Вороной-с, правая – задняя нога в полвенца белая, – не задумываясь, ответил Андрей Захарыч и, вдруг обратившись ко мне, внушительно произнес: Вот я и думаю, Николай Васильич... Ежели взять с одной стороны пастырь-с... и ежели опять – стадо-с, овцы – по писанию. Ну, купил он там жеребца-с...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания